

Глава 1

Отдернув плотную штору и впустив в комнату дневной свет, мать обернулась и пристально взглянула Александре в лицо. Та невольно прикрыла глаза, спасаясь и от яркого солнечного луча, и от испытующего взгляда.

— Что с тобой? Почему ты так ужасно выглядишь?

Александра ждала именно этих вопросов, заданных именно в такой последовательности, — мать, как правило, всегда встречала ее этими словами. Обычно дочь отвечала, что ничего не случилось, — усталость, бессонница, много работы... Что было правдой, и мать это знала или угадывала. Но сейчас, едва заговорив, Александра поняла, что не сможет произнести ни слова прежним, естественным тоном.

— Ничего... Я устала...

Ее голос дрогнул и вдруг осип.

— То тебя к нам насильно не затащишь, то без предупреждения, без звонка являешься! И еще с сумкой... Ты уезжаешь?!

— Да, мама.

— И, конечно, далеко?! И, конечно, сказать об этом можно было только в самый последний момент?! Зна-

чит, в Новый год опять не вместе?! Или за неделю обернешься?

Александра стянула наконец с ноющего плеча ремень и опустила тяжелую сумку, набитую собранными впопыхах вещами и бумагами, на пол. Расстегнула куртку, но не сняла ее, тут же забыв, что хотела раздеться. Она все делала машинально, ее мысли были еще там, в мастерской, откуда пришлось так внезапно бежать. Художница не сразу услышала сердитый окрик матери:

— Да что с тобой, в конце концов?! Ты спишь, что ли?! Ты здорова?! Что случилось?!

— Я... правда хочу немного поспать.

Это было все, что смогла вымолвить женщина, но этих слов оказалось достаточно. Мать осеклась, очередной вопрос замер на ее губах. Помедлив, она уже другим, тревожным и мягким голосом произнесла:

— Ну конечно, сейчас я тебе постелю, в твоей комнате. Иди умойся и сразу ложись. Обедать потом. Да куртку-то сними!

Александра послушно, будто разом превратившись в ребенка, вернулась в прихожую, стянула мокрую куртку и повесила ее на вешалку. Прошла в ванную, заперлась, открыла кран. Набрала полные пригоршни теплой воды — роскошь, недоступная в ее брошенной мастерской, и ополоснула лицо. Почувствовав внезапную слабость, присела на бортик ванны. Вода продолжала бежать в раковину, постепенно делаясь все горячее, от нее поднимался пар и туманил зеркало... Александра уже не видела четко своего отражения, вместо него в клубах пара проступали совсем другие лица из недавнего прошлого...

Вот Маргарита — ее бегающий взгляд, нервно подрагивающие пальцы, крепко сжимающие очередную сигаре-

Трюфельный пёс королевы Джованны

ту, словно собираясь ее раздавить. Такой она вчера утром появилась на пороге мастерской. Ее недомолвки, затем неожиданная откровенность, рассказ о своих мытарствах в Дании, о потерянной дочери, о провалившейся попытке украсть и вывезти в Россию собственного ребенка... Потом столь же неожиданная жестокость, напоминание о давнем ужасном дне, который Александра старалась, но не могла забыть... О том случае, когда подруга спасла ее от самоубийства и тем самым навеки записала Александру в свои должники.

А вот незнакомец, объявившийся вчера днем в мастерской, — холеный, дорого одетый адвокат. Его расспросы о Маргарите, обещание поделиться с нею некоей хорошей новостью относительно дочери.

И снова Маргарита спустя какой-то час, в момент их последней встречи. На пороге пустой мастерской, из которой съехал сосед-художник и которую ей временно уступила для жилья Александра. Маргарита бледная, растерянная, с мокрой головой. С рыжих волос струится вода, ручейками стекая на шею, на грудь, на белье, видневшееся из-под расстегнутой кофты. Неожиданный порыв подруги — объятие, как оказалось, прощальное. Дрожь ее тела, которую успела ощутить художница.

И опять адвокат, каким Александра увидела его во второй раз, около полуночи, найдя в той самой мастерской, где простилась с подругой. Труп за дверью, застывший в позе сломанного манекена. Холодная рука, которой она едва осмелилась коснуться. На столе — остатки неудачного обеда, который они по старой памяти устроили с Маргаритой.

И наконец, последняя картина — та же мастерская, куда Александра заставила себя вернуться час спустя.

Пепельница и грязные тарелки чисто вымыты, никаких остатков еды, стопка постельного белья, которую Александра оставила подруге, пропала. И самое невероятное — исчезло тело. В тщательно прибранной комнате ничего не указывало на то, что в ней кто-то обедал и кто-то погиб.

...Очнувшись, женщина закрыла кран и встала. «Разве я могла после этого остаться в том доме? Ведь я была одна, на своем чердаке... Быть может, если бы я не ушла, сама стала бы следующей жертвой! И не осталось бы никаких следов, и долго бы еще все думали, что я внезапно уехала, никого не предупредив...»

В дверь постучали, послышался голос матери, непривычно кроткий:

— Ты не уснула там? Тебе плохо?

Александра отперла дверь и шагнула в коридор:

— Все в порядке, мама. Просто вымоталась. Я пойду лягу?

— Так иди, я постелила. Ты правда еле стоишь!

Хотя Александра продолжала уверять, что все с ней в порядке, мать настояла на том, чтобы поддержать ее под локоть, довести до постели и даже уложить. Эти заботы словно выпили из женщины остатки сил. Она давно привыкла полагаться только на саму себя, а теперь с ней снова обращались как с маленькой. Уже растянувшись в постели, Александра почувствовала, что не способна сделать ни одного движения. Это ее ужаснуло. «Надо уезжать из города, а я разлеглась среди бела дня! Как я могу спать, если меня, возможно, ищут?!»

Кто ее может искать — полиция или кто-то иной, Александра предпочитала не думать. От этих мыслей на нее находило душевное оцепенение, близкое к полной

Трюфельный пёс королевы Джованны

потере воли. Это чувство угнетало, а ведь прежде она в одиночку справлялась с любой бедой.

Мать не торопилась уходить. Она стояла рядом с тахтой и явно набиралась решимости что-то сказать. Александра подняла отяжелевшие веки и шепнула:

— Что, мама? Говори, я же чувствую, ты хочешь что-то сказать!

— Отец болен.

Голос матери прозвучал так подавленно, что Александра сразу поняла — речь идет не о приступе ревматизма или простуде. Она села в постели:

— Что с ним?

— Пока неизвестно. Плохие анализы. Может быть все что угодно. Второго января ложится в больницу на обследование.

Все это мать проговорила бегло, словно торопясь скорее избавиться от тяжелой ноши. И, внезапно обмякнув, присела рядом с дочерью на постель:

— Теперь понимаешь, почему я так настаивала, чтобы ты провела с нами этот Новый год? Ведь это, может быть, в последний раз...

— Не говори так! — Александра внезапно ощутила прилив сил, выброс жаркой энергии, целиком уничтоживший охватившую ее апатию. — Так нельзя, ты уже настроилась на самое ужасное! Ведь еще не было обследования!

— Все равно, — уныло произнесла мать. — Старость не за горами. Мы не вечные. Тебе уже сорок два... Не замужем, без детей... И останешься одна!

— Но... Мама! Сейчас совсем не об этом надо думать! — Выбравшись из постели, художница вновь принялась одеваться. Она не смогла бы пролежать и одной минуты. — Где отец?

АННА МАЛЫШЕВА

— На работе. Он же еще работает, ты в курсе?

— Не иронизируй, я не настолько редко звонила, чтобы этого не знать! — Александра вытащила из сумки футболку и натянула ее. Зимой в своей почти неотапливаемой мансарде она могла ходить только в свитере, а частенько приходилось кутаться еще и в теплый пуховый платок. Сейчас она не ощущала ни тепла, ни холода. Возбуждение было слишком велико.

— Когда он приедет с работы?

— Около семи.

— Если он работает полный день, значит, силы еще есть и ему не может быть очень плохо! Не преувеличивай, я же знаю, ты всегда впадаешь в панику!

И мать постепенно покорила ее нажиму. Она уже не выглядела такой подавленной и смотрела на дочь с надеждой, словно в ее власти было вернуть здоровье отцу, а не просто произнести несколько успокаивающих слов. Александра направилась на кухню, чтобы поесть, — ее внезапно одолел волчий голод. Было уже далеко за полдень. Она присела к столу, знакомо и уже позабыто качнувшемуся вправо — туда, где был неровный пол.

Мать торопливо ставила на плиту кастрюли, включала газ и, не переставая, говорила, словно пытаясь усыпить словами свой страх:

— Ему давно надо было забеспокоиться, да и мне... Я тоже виновата, что мы запустили дело! Но ты же знаешь, как отец не любит ходить по врачам! Он давно чувствовал себя неважно... Неужели ты так и уедешь, с ним не повидавшись?!

— Ну конечно, я задержусь! Я постараюсь остаться до самого Нового года!

Трюфельный пёс королевы Джованны

Александра ответила не колеблясь, однако, снова вспомнив о своих злключениях, содрогнулась всем телом, словно сидела сейчас не на теплой и уютной родительской кухне, а в стылой мансарде, мучительно пытаюсь принять решение — как выпутаться из пугающей и загадочной истории, в которую ее втянула судьба, едва женщина успела опомниться от предыдущего приключения*.

«Придется остаться. Но это значит, что в случае чего меня легко смогут найти. Слишком легко. Рита знает этот адрес. Она на него писала из Дании, прислала ту единственную открытку, четырнадцать лет назад...»

Художница окликнула мать, хлопотавшую у плиты:

— Мам, ты помнишь, мне подруга когда-то прислала из Дании рождественскую открытку? Я тогда еще тут жила.

— Это которую ты на ширму приколотла? — немедленно обернулась мать.

Александра с облегчением кивнула. Она знала, что мать трепетно хранит все письма, открытки, старые телеграммы, самые ничтожные клочки бумаги, питая к ним сентиментальную привязанность.

— Это где замерзший канал и по нему детишки на коньках катаются? — оживившись, на миг позабыв о своих тревогах, продолжала припоминать мать. — Которую Рита тебе прислала?

— Да, все верно. Она цела?

— Где-то должна быть. А зачем тебе?

— Хотела ей написать.

Мать отставила кастрюлю с огня и, наливая в тарелку борщ, поинтересовалась:

* Роман Малышевой А. «Суфлер»

АННА МАЛЫШЕВА

— А давно вы переписывались-то? Может, Рита уже там и не живет?

— Вот с тех пор я о ней ничего и не знаю!

Ложь вырвалась спонтанно, и, произнеся эти слова, Александра не ощутила никакого раскаяния. Подруга втянула ее в слишком мрачную историю, чтобы она могла пугать и без того расстроенную мать. Александра не помнила, говорила ли матери по телефону, когда созванивалась с ней в последний раз, что Рита собирается в Москву. Если да, то сейчас ее тут же поймают на лжи... Но мать кивнула:

— Да, совсем вы потерялись, а ведь когда-то, в Питере, так дружили! Ты сама говорила, во всей Репе не было таких подруг! Напиши, напиши ей! Ешь, а я поищу открытку. Она недалеко должна быть.

...Открытка нашлась в считанные минуты. Александра еще водила ложкой по дну тарелки, а взгляд уже был прикован к маленькому прямоугольнику глянцевой плотной бумаги, с одной стороны которого была изображена живописная зимняя сценка с катающимися на коньках детьми. На обороте значилось всего несколько строк, написанных характерным неровным, заваливающимся налево почерком Риты — такого почерка художница больше никогда ни у кого не встречала.

«Дорогая Саша, с Новым годом тебя и с прочими праздниками. Ты думаешь, наверное, что я уже замужняя дама? Так вот, мы не поженились и не поженимся уже. Я пока остаюсь в Дании. Что дальше — неизвестно. Пожелай мне чего-нибудь хорошего и удачи! Твоя Рита».

Трюфельный пёс королевы Джованны

Был указан и обратный адрес, как с облегчением убедилась Александра. Но немедленно спросила себя, что ей даст старая информация о месте жительства исчезнувшей подруги (да и жила ли та когда-нибудь по этому адресу?).

«И это единственная зацепка! Не просто мало, это совсем ничто! Я понятия не имею, откуда приехала Рита! Я даже не знаю, как полностью зовут ее дочь! Иоася — так она ее называла, когда рассказывала о своих датских несчастьях. Иоанна, значит? Ивонна? А фамилия?!»

Женщина отодвинула тарелку и встала из-за стола. Мать, сидевшая напротив, но не прикасавшаяся к еде, тоже поднялась:

— Второе будешь?

— Я наелась. Мне надо кое-какие бумаги разобрать.

— Ты правда остаешься встречать с нами Новый год?

Александра, охваченная острым приступом жалости, обняла мать и поцеловала в щеку. Та, не избалованная подобными проявлениями нежности, даже испугалась:

— Что с тобой?! Ты ничего от меня не скрываешь?! Сама-то здорова?

— У меня все... хорошо! — с запинкой ответила Александра.

Уединившись в комнате, которую она уже с трудом могла называть своей, потому что чаще бывала в ней во сне, чем наяву, художница достала из сумки растрепанную пачку захваченных из мастерской бумаг. Сверху лежал конверт из коричневой бумаги. Оттуда Александра, присев на край разобранной постели, вытряхнула на простыню немногочисленное содержимое: визитную карточку и лиловатый ветхий листок паспарту с наклеенной на него фотографией.

Взяв визитку, она с внутренним содроганием перечитала ее. «Демин Андрей Викторович. Член Московской коллегии адвокатов».

«Вот еще одна зацепка, тут и телефон, и электронная почта... Но кому звонить? Покойнику?! Кого спрашивать о его делах с Ритой?! Тех, кто начнет, в свою очередь, спрашивать меня о моих делах с покойником?! Что я скажу?! Он побывал у меня в мастерской, при свидетеле, потом обнаружился мертвым в другой мастерской, ключ от которой был у меня, — и тому тоже имеется свидетель! Потом тело пропало! Что я скажу? Как оправдаюсь?»

Листок с фотографией, найденный в ящике письменного стола, когда художница собирала вещи, готовясь покинуть мансарду, одновременно притягивал ее и ужасал. Этой фотографии, на которой был запечатлен старинный серебряный предмет сервировки в виде пса, ищущего трюфели, никогда не водилось среди ее многочисленных бумаг! Листок со снимком появился там в самые последние часы перед побегом, в те страшные часы, когда она металась, как затравленный зверь, не в силах понять смысл происходящего, принять спасительное решение. Чья рука положила его в ящик? Второй ключ от мастерской имелся у Маргариты. Краткая надпись на обороте ветхого картона также была сделана ее почерком. Надпись отчаянная, необъяснимая и все же понятная Александре.

«Найди его, умоляю! Спаси меня, как я однажды спасла тебя!»

«Его — это серебряного пса. — Александра встала и подошла к окну, поднеся фотографию к свету. — Дальше тоже понятно: Рита умоляет спасти ее и напоминает о том, как спасла меня, когда я собиралась утопиться

Трюфельный пес королевы Джованны

из-за несчастной любви. Стало быть, спасти ее надо ни больше ни меньше как от смерти. Но к чему так туманно выражаться? Почему не сказать прямо, кто ей угрожает, как это связано с псом на фотографии? Ясно, что она в смертельной опасности. Но если я найду это серебро, кому его передать, что с ним делать? Если найду... Легко сказать! Где, как?»

Но ее долгий опыт перекупщика антиквариата уже нашептывал иное, и художница слышала этот вкрадчивый шепоток сквозь увещевания испуганного рассудка.

«Это уникальная вещь! Предмет старинного парадного столового сервиза, дворцового, скорее всего. Об этом говорит и герб. Один герб уже может рассказать очень многое. Стоит показать фотографию нескольким людям, и у меня появится кое-какая информация...»

Черно-белый снимок, на который она смотрела, был сделан давным-давно, Александра полагала, что в начале прошлого века. Поджарая собака, левретка, стояла, низко опустив голову, словно приносясь к следу или к тому, что было под землей. Пружинистая поза животного, изготовившегося выкапывать добычу из земли передними лапами, была схвачена необыкновенно живо и точно. Спина собаки, прикрытая крышкой, стилизованной под попону, очевидно, представляла собой вместилище для съемного судка с кушаньем. На попоне виднелся вычеканенный герб. Надпись на обороте картона — не та кривая торопливая приписка, сделанная рукой Риты, а старая, вылинявшая, чернильная, — кратко сообщала по-итальянски, что перед зрителем не что иное, как «трюфельный пес королевы Джованны».

Regina Giovanna tartufo cane — вновь прочитала Александра и со вздохом отложила фотографию. «Маловато

мне это говорит. Пес, судя по позе, собрался выкапывать из земли трюфель. Это и есть трюфельный пес, я слышала о таких, когда жила в Италии, их разводят и по сей день. Собак специально обучают искать трюфели, и стоят эти псы очень дорого. Но какая королева Джованна имеется в виду?»

За окном был обычный двор спального района: панельный дом напротив, такой же, панельный, — справа, его близнец — слева. Груды рыхлого снега, счищенного дворниками на обочины, детская площадка, машины, черные ветки деревьев в палисадниках, роняющие оттепельные капли. День, начинавшийся с яркого солнца, превратился в мутный серый кисель, в котором вязли и глохли краски и звуки.

Заурядный день конца декабря, слишком теплый для зимы, сырой. В такие дни люди жалуются на головную боль, на сердце, лица прохожих приобретают серый оттенок, а о близких праздниках напоминают только украшенные улицы и витрины. Но Александра видела сейчас совсем другую картину.

Несколько лет назад, будучи на аукционе в Риме, она получила приглашение от друзей приехать к ним в деревню, в Южном Пьемонте. В этой области Италии Александра никогда не бывала и потому с удовольствием согласилась.

Было самое начало марта. Когда поезд ранним утром остановился на маленькой станции и художница вышла на перрон, окрестности тонули в белесом тумане, который стелился над полями, обвивал длинными рваными лентами безлистные дубовые роши. Друзья, супружеская чета средних лет, встречали ее на машине. По дороге в деревню зашел разговор о местных достопримечатель-

Трюфельный ПЕС королевы Джованны

ностях. Церковь пятнадцатого века, здание окружного суда постройки времен Муссолини... Все почти то же самое, что можно найти в любой области Италии и что, с небольшими вариациями, Александра видела много раз. Внезапно ее ухо уловило словосочетание, которого она ни разу не слышала.

— Трюфельный лес.

— Что это значит? — спросила Александра, с любопытством глядя в окно. Машина медленно ехала по проселочной дороге, по обе стороны которой тянулись дубовые рощи.

— Здесь находят трюфели. И не простые, черные, а белые — знаменитые местные трюфели, самые пахучие и ценные. Как раз заканчивается сезон. В лесу — последние охотники.

И в самом деле Александра начала замечать в тумане между деревьями редкие смутные фигуры. Одну, вторую, третью. Они бродили будто без всякой цели, то и дело останавливаясь.

— Трюфели ищут не сами охотники, конечно, а специально обученные собаки, — объяснил ей друг. — Собака может унюхать трюфель на глубине десять—пятнадцать сантиметров под землей. Таких псов долго воспитывают, они сами по себе — состояние. Ну, и травят друг у друга их часто, конкуренция-то большая! Жаль, ты приехала поздно, мы бы договорились с одним охотником, и он показал бы тебе, как все это происходит.

— Вообще, они очень не любят кого-то близко подпускать, — обернулась его жена. — У них свои места, свои тайны. Это серьезный бизнес. Большой трюфель может стоить триста евро... А может, и тысячу!

АННА МАЛЫШЕВА

О трюфелях говорили потом каждый раз, когда к столу подавали неизбежное в этих краях лакомство — трюфельное масло местного изготовления. То хозяин, то хозяйка дома, где гостила Александра, уточняли, что масло изготовлено именно из белых трюфелей, а не из дешевых черных. К слову, сама художница в этом остром и жирном кушанье ничего особенно привлекательного не находила. Впрочем, она никогда не жаловала деликатесы, предпочитая простую пищу, не отягощавшую желудка и не облегчавшую кошелек.

...Вспомнив те давние дни, Александра безотчетно блаженно вздохнула. Конечно, тогда, как и сейчас, ее жизнь не была безоблачной и легкой. Чаще всего торговые операции с антиквариатом не приносили больших барышей, а если удавалось заработать какие-то деньги, они немедленно расходились, растворялись, утекали сквозь пальцы. Художница всегда забывала об ограниченности своих ресурсов и тратила деньги на книги, альбомы, дорогие материалы для реставрации, в самый последний момент вспоминая, что нужно было заткнуть какие-то дыры в хозяйстве.

Впрочем, мансарду, где Александра обитала вот уже тринадцатый год, вряд ли можно было назвать нормальным жилищем, а хозяйство, которое она с горем пополам вела там, — обычным обзаведением. Отсутствие почти всех необходимых удобств компенсировалось символической платой за аренду ветхого жилья. Дом в районе Китай-города предназначался «под снос» и по-прежнему числился на балансе Союза художников.

В нем остался только один жилой подъезд, да и тот постепенно пустел. На первом этаже провалились полы, и из подвала хлынули больше ничем, даже символиче-